

исследований новые данные и новый взгляд представляются весьма актуальными. Несомненно, монография найдет широкий отклик у всех, кто заинтересован судьбой отечественной науки.

М.К. ГОРШКОВ

ГОРШКОВ Михаил Константинович, академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (isras@isras.ru).

DOI: 10.31857/S013216250003760-9

GORSHKOV M.K.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Russia

Mikhail K. GORSHKOV, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (isras@isras.ru).

Trust to Knowledge under the Conditions of Social Turbulence: Risks, Vulnerabilities, Challenges to Security: Monograph. Ed. by S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO University, 2018. 274 p.

© 2019 г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА-2018: МОНОГРАФИЯ / А.В. Дмитриев, В.Н. Иванов, Ж.Т. Тощенко; Предисл. М.К. Горшков. М.: КНОРУС, 2018. 242 с.

Новый альманах в той же мере отличается свежестью мысли и раскованностью поиска, как и предыдущий. А.В. Дмитриев берет на себя миссию открытия в исследовательском поле социологии и социальной философии такой реальности, как диалектика суггестии и контрсуггестии, обобщая эти понятия на более высоком уровне. Ж.Т. Тощенко рассматривает феномен жизненного мира во всем многообразии его эмпирических показателей с целью отыскать его скрепы-смыслы. В.Н. Иванов концентрируется на проблеме «третьего возраста» – социологических параметров жизни зрелых людей, свидетельствующих и о признаках зрелости общества. С его раздела и начнем.

В.Н. Иванов, рассматривая феномен третьего возраста – с 70 лет и далее, излагает результаты оригинального исследования, интерпретирует интересную статистику. Автор ищет ответ на вопрос: что делать с этим относительно новым для России феноменом? Разные исторические условия, культурный уклад, социальные реалии порождают новые проблемы людей старческого возраста, подчеркивает он. На данных статистики, он показывает, что стариков становится все больше. Численность населения в возрасте старше трудоспособного (пожилого) с 2006 по 2015 г. выросла на 20%. Если в 2006 г. доля пожилых составляла 20,4%, то в 2015 г. – уже 24% (с. 89). И по прогнозу Росстата, до 2031 г. рост численности пожилых продолжится. Эта тенденция характерна для всех развитых стран. Она подтверждается и растущими показателями ожидаемой продолжительности жизни. Чем могут заняться пожилые, с учетом явного отставания пенсионного обеспечения и уменьшения рабочих мест даже для молодых?

Автора эти тенденции не страшат. Он излагает уникальные глубинные интервью людей немолодых, но активных, а значит социально востребованных. В.Н. Иванов убедительно доказывает, сколь важно научиться востребовать и применять их уникальный жизненный и профессиональный опыт. Его исследование оригинально для отечественной социологии; помимо интервью, он использовал, по сути, метод включенного наблюдения. И интервьюер, и опрашиваемые фиксируют: то, в чем страна молодеет, не всегда молодо, а в чем стареет – не всегда лишне. Поэтому после осознания наступившей старости нужно не пассивно плыть по течению, а поддерживать социальную справедливость, а через нее и сбалансированность социального самочувствия всех поколений.

Он отмечает определенную специфику: число пожилых людей в России растет и будет расти при падении спроса на традиционные («привычные» в первую очередь им) рабочие места. Что в таком случае делать? Ответы доказывают гуманистически значимую истину: пожилые люди в социуме – отнюдь не балласт. Князь Андрей Болконский из романа Л. Толстого, встретив новые жизнотворческие импульсы, восклицал: жизнь не кончена в 38 лет. Иванов доказывает: то же можно говорить и о возрасте 83 года и далее.

В завершение В.Н. Иванов настоятельно подчеркивает воздействие сегодняшней общей ситуации социальной неопределенности на социальное самочувствие представителей всех поколений, в особенности старшего. Тем более что это люди равнодушные, которые остро ощущают «несуразицу» повседневности. Желание что-либо «исправить» в нашем бытии есть у многих, но одного желания мало, нужно и дело. Вспоминается одиннадцатый тезис К. Маркса «О Фейербахе», в котором говорится, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его.

«Грешны» ли нынешние старики, что в XX в. они порой с излишним рвением брались за «изменения», проявляя некое «историческое нетерпение»? Может право нынешнее поколение, которое, по словам Лермонтова, богато едва ли не с колыбели ошибками отцов и поздним их умом? Вряд ли. По убеждающему суждению В.Н. Иванова, ныне «нам [скорее всего, людям ординарного возраста. – Прим. И.З., Э.З.] явно не хватает этой решительности. Может быть, в этом есть какой-то особый смысл: «семь раз отмерь, а уж потом отрежь», а может, есть ощущение усталости, неверия в возможность одолеть явную несправедливость и негуманность нашего нынешнего общественного устройства» (с. 111). Остается добавить, что в таком минорном умозаключении больше мудрости, чем грусти.

И – как в прошлом альманахе – стихи. Кому-то это покажется несерьезным. Но если бы был проведен опрос среди социологов, в какой мере стихи В.Н. Иванова и идущее за ними раскованное социологическое воображение способствовало решению крайне сложных вопросов, ответ был бы ободряющим.

Ж.Т. Тощенко в своей части альманаха ориентирует себя и читателя на разработку и осмысление социологии жизни – через поиск ответов и на научные, и на жизненные вызовы. Он правомерно подчеркивает, что вектор этих поисков и задает социология. Соответствующая комплексная методологическая установка вычленяется непросто. С одной стороны, надо держать в поле зрения центральное понятие социологического реализма – общество и его производные (социальная структура, социальные системы, социальные институты), учитывая при этом, что они являются важной, но серьезно ограниченной областью получения социологического знания. С другой стороны, нельзя забывать, что в их рамках функционируют составляющие их субъекты – группы людей и отдельные личности. На них чаще концентрирует внимание социологический номинализм. Если же замыкаться на том или ином, то можно от эволюции сдвинуться к инволюции, что мастерски доказывает Тощенко в ряде своих фундаментальных работ.

Анатомизируя эту антиномию: реализм – номинализм, равно как и другие: универсализм – сингуляризм, функционализм – субстанционализм, конструктивизм – феноменологизм (первые две антиномии активно обсуждаются со времен еще средневековой философии), автор освещает векторы и горизонты социологического поиска в самых различных направлениях.

И сосредотачивается на проблеме смысла, искусно выстраивая круги социологического знания, особо останавливаясь на трактовке значения и понятия «смысл».

Поиск смыслов осуществляется через пристальное и всестороннее рассмотрение жизненного мира – сложносоставной конструкции, включающей как социально-психологические элементы: потребности – мотивы – ценности – установки – интересы (каждый из них тщательно «ощупывается» глазом социолога), так и образцы (паттерны) поведения индивидов и групп в социальной среде. Эта конструкция и выводит на проблему смысла, находящуюся, пожалуй, в одном из самых затененных участков поля социологических исследований.

Смысл рассматривается в работе и в рамках социологического конструктивизма, в том числе в духе знаменитого одиннадцатого тезиса К. Маркса о Фейербахе, но главное, он интерпретируется с учетом оригинального видения автора с опорой на проведенные масштабные эмпирические социологические исследования. Их результаты интересны и сами по себе, но то, что автор облачает смыслы в «социологические одежды» – несомненное достоинство работы.

Что конкретно говорится о проблеме смысла? Автор афористично подчеркивает: «Это мера, своеобразное мерило, навигатор, по которым человек сопоставляет свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего его общества, сравнивает и согласовывает их с другими участниками жизненного мира. Смысл жизни предполагает, что человек отдает себе отчет о сущности и содержании своей жизни (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, как и каким образом он будет удовлетворять свои потребности и интересы» (с. 202). Ясно, что смысл предполагает осознание человеком предназначения государства и семьи, образования и религии, их внутреннее приятие, а через это понимание своих действий и окружающих как жизненной необходимости, без реализации которой человек не представляет своего развития.

Смысл включает в себя не только осознание цели-принципа, учитывающего ценностные ориентации и установки человека, но и активное участие в ее реализации через взаимоотношения с внешним миром и пониманием своего личностного предназначения. Он во многом инвариантен для различных обществ и для разных времен. Возьмем Россию. Несмотря на фундаментальные потрясения – достаточно вспомнить две мировых войны, да две революции в прошлом веке, пережитые ею, – можно все же согласиться с автором: главными смыслами, определяющими жизненный мир россиян, всю совокупность основных видов их деятельности, были и остаются стремление к социальной справедливости, социальной безопасности и защищенности. Особо подчеркивается, что лишь обращение к этим смыслам побуждает необходимость понять, какое общество строится в России сегодня.

Остается подчеркнуть, что данное желание и стремление его удовлетворить представлено в работе во всеобъемлющих ракурсах и с опорой на результаты эмпирических исследований. В этом ее особая ценность, а релевантность основных ее выводов сомнению не подлежит.

Но отметим пару критических замечаний. В одном из параграфов третьей главы автор оперирует понятием «экономический человек», наряду с терминами «политический человек» и «социальный человек», при этом достаточно умело и убедительно. Однако хотелось бы внести некоторую оговорку: «экономический человек» – термин уже устоявшийся и применяемый для обозначения все-таки частичного человека. Им в рамках, к примеру, экономической психологии обозначается индивид, стремящийся к максимизации прибыли – который далеко не равен собственно реальному индивиду, даже актору экономических отношений. Его сущностная черта – максимизация прибыли с опорой на рациональные расчеты. Таков ли это наш человек, если учесть, что почти две пятых (38,4%) недавно опрошиваемых россиян затруднились сформулировать свою оценку осуществляемых экономических реформ (с. 210). В совокупности с негативной оценкой более чем каждого пятого (22,7%) это свидетельствует: для почти двух третей населения происходящие изменения не совпадают с желаемым смыслом, который бы олицетворял сближение личных целей с официально провозглашенными (с. 211).

Поражает, что все поголовно жалуются на экономическое неблагополучие. Какое же это неблагополучие? У каждого – мобильник, у многих семей по несколько автомобилей. Даже бедные города опоясаны рядами особняков, зарубежные поездки не так редки для многих россиян. А вот парадоксы с опорой на внушаемую СМИ идею вечной неустроенности, так и не исчезают. Поневоле вспомнишь о концепте парадоксального человека, с должной полнотой и убедительностью разработанной автором.

Приведем заключительный и все же убеждающий в их наличии вывод работы: «...жизненный мир и его смыслы являются: во-первых, теоретически новаторскими и эвристически ценными понятиями, позволяющими более обстоятельно и глубоко ответить на злостнейшие проблемы развития общества с позиций концепции социологии жизни; во-вторых, новыми и значимыми эмпирически измеряемыми показателями и индикаторами, обеспечивающими более полное отражение сущности и содержания жизни общества и представляющих его людей; в-третьих, максимально удобными для использования в управленческой практике на всех уровнях социальной организации обществ, во всех без исключения организациях как экономического и политического, так и социального и духовно-культурного профиля» (с. 220–221). Безусловно, векторы новаторских исследований в данном направлении автором намечены и горизонты определены. Дело за более пристальным взглядыванием в реалии жизненного мира и углубленными истолкованиями его смыслов, что продолжит линию социологических исследований, представляющуюся сегодня наиболее продуктивной и одновременно интересной.

А.В. Дмитриев в своем разделе призывает вернуться к понятиям «суггестия» и «контрсуггестия» и даже генерализировать их. Он отмечает, что настоятельность внедрения этих понятий обосновал Б.Ф. Поршнев еще в 1960-е гг., хотя затем горизонты их употребления в лучшем случае сузились, а то и были забыты: психологи предпочитали понятие «внушение», а социологи – «настроения». А.В. Дмитриев напоминает: групповые субъектные качества развиваются, если поддерживается устойчивость группы и проводятся внутригрупповые взаимодействия, которые вырабатывают общее видение, понимание ситуации, создают своеобразное общее сознание. И правомерно утверждает: «Есть основания называть формой суггестии тенденцию формирования этой общности сознания» (с. 19).

Понятие контрсуггестии характеризуется А.В. Дмитриевым со ссылкой на Б.Ф. Поршнева: она «становится непосредственно психологическим механизмом осуществления всех и всяческих изменений в истории, порождаемых не зовом биологической самообороны, а объективной жизнью общества, противоречиями и антагонизмом экономических и других отношений» (с. 16). Так было заявлено еще тогда, но сегодня четко видно, что любая социальная группа имеет в себе две антитезы – суггестия и контрсуггестия. При этом последняя будет сохраняться, если в ее рамках обнаружится функциональная целостность, заключающаяся в противостоянии суггестии. Его элементы вычленяются с опорой на некие социологические усилия – и это действительно так! Данный авторский вывод побуждает поразмыслить именно над этим.

Предпринимается попытка успешной адаптации потенциала понятий суггестия и контрсуггестия, а также анализа динамики их соотношения на материале такого социального процесса, как мегамассовая миграция (феноменов массовой миграции в XX в. наблюдалось немало, мегамассовая миграция характеризуется качественным расширением ее количественной масштабности). Осуществляется трактовка сегодняшней миграции как результата мегамассовой суггестии. Миграционные потоки под силой трудно расшифровываемой психической энергии, не считаясь ни с чем, перебираются в желанные для них регионы. Механизмы контрсуггестии – разумное предположения о возможной неустроенности – работают при этом со сбоями, причем не только на индивидуальном, но и на массовом уровнях. Правда, согласно автору, не следует забывать, что при определенных условиях, иммиграция является не только вызовом для коренного населения, но и значительным ресурсом.

Понятия суггестия и контрсуггестия в трактовке А.В. Дмитриева оказали помощь одному из автору данных строк в ходе анализа феномена цветных революций в Центральной

Европе (очередная надрывная попытка их осуществления наблюдалась весной 2018 г. в Словакии). Лишь суггестивные воздействия могли побудить массы людей в конце 1980-х гг. верить себя, что уже на другой день после свержения «ига коммунизма» все проблемы будут решены. Редкие контрсуггестивные суждения относительно того, что одни проблемы могут быть решены, но возникнут другие, не менее сложные, не принимались во внимание. Столь же суггестивный характер носила устремленность этих государств в НАТО и ЕС – причем не только политических элит, но и широких масс.

Остается надеяться, что разработки в данном направлении будут продолжены уже коллегами А.В. Дмитриева, распространяясь на все новые предметные области социальных наук. К сожалению, он не успел указать на эти области и границы применения выделенных понятий. Автор акцентировал внимание в большей мере на абстрактных рассуждениях (кстати, о той же границе), работу в этом плане характеризует незавершенность, правда, действительно мобилизующая его последователей.

События недавнего прошлого, да и текущая жизнь демонстрируют: сколь бы ни были сильны суггестивные техники нагнетания ненависти (как они описаны, к примеру, в романе Дж. Оруэлла «1984»), хотя бы хрупкие островки контрсуггестии всегда сохраняются. Согласимся с авторской позицией: в определенном смысле такого рода процессы не являются плохими или хорошими, они – часть социальной жизни, над которой, по Спинозе, не надо смеяться или плакать, но которую нужно понимать. Это же касается интеллектуального роста и социального развития человека, согласно А.В. Дмитриеву, он является носителем способности общения на уровне не криков и слоганов, присущих и животным, а обращения, опирающегося на вторую сигнальную, или речевую, систему поведения. Он часто подвергается суггестии, но вполне может и противостоять ей, совершая контрсуггестивные действия. «В каком-то смысле человек, особенно неустойчивый в своих предпочтениях, постоянно живет в режиме перехода из одних границ в другие, переопределяя свои зоны притяжения и привязанности. Ему не всегда удается умело использовать свои речевые навыки противостояния, самоубеждения именно по причине малого опыта. Но именно накопление такого опыта и представляет собой развитие культурных навыков – достояния контрсуггестии (социологический аспект)» (с. 64).

В целом в рассмотренной работе автор генерализировал ряд идей Б. Поршнева, а также постарался осуществить давний завет В. Бехтерева: обратить внимание социологов на феномены психической «инфекции». Высказан этот завет был 120 лет назад, но полноценно осуществить его до сих пор не удалось, поэтому столь актуальна разработка проблем диалектики суггестии и контрсуггестии на широких полях взаимодействия социальных субъектов. Чтобы освободить силы контрсуггестии для его созидательной деятельности.

В заключение автор выражает надежду: может именно нескванная скучной академичностью форма изложения, присущая альманаху и раскрывающая тайны соотношения суггестии и контрсуггестии, побудит будущих исследователей глубже проанализировать проблему? Ведь ее решение поможет понять сложнейшую динамику развития сегодняшнего социального субъекта – индивида и групп самых различных степеней общности, правомерно заключает А.В. Дмитриев.

Знакомство с работами всех трех авторов убеждает: методологические взрывы (или хотя бы повороты) заветами не осуществляются. Надо и прилагать усилия к использованию потенциала междисциплинарных понятий и даже неакадемических текстов. Это положение справедливо в первую очередь по отношению к анализу понятий суггестии и контрсуггестии. Есть основания предполагать, что они не просто обогатят арсенал исследовательских методик, но и зададут новые ракурсы видения социологическому знанию в целом. Потенциал таких понятий, как настроения и стереотипы, интуиция и даже архетипы с богатейшим психологическим содержанием, уже используются социологами. Пришла пора обратить пристальное внимание на такие понятия, как суггестия и контрсуггестия.

ЗАДОРΟЖНЮК Иван Евдокимович, доктор философских наук, зам. заведующего отделом социально-гуманитарных журналов, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (zador46@yandex.ru); ЗАДОРΟЖНЮК Элла Григорьевна, доктор исторических наук, зав. отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН (elzador46@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250003761-0

ZADOROZHNYUK I.E.*, ZADOROZHNYUK E.G.**

**National Research Nuclear University «MEPhI», Russia; **Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences, Russia*

Ivan E. ZADOROZHNYUK, Dr. Sci. (Philos.), Deputy Head of the Department of Social and Humanitarian Magazines, National Research Nuclear University «MEPhI» (zador46@yandex.ru); Ella G. ZADOROZHNYUK, Dr. Sci. (Hist.), Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies RAS (elzador46@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Sociological Mosaic-2018: monograph / A.V. Dmitriev, V.N. Ivanov, Zh.T. Toshchenko; Foreword. M.K. Gorshkov. Moscow: KNORUS, 2018. 242 p.